УДК 323.1

Абдурахманов Д.Б.

Социально-политические последствия институциональных трансформаций Северного Кавказа

В статье показаны институциональные преобразования на Северном Кавказе в постсоветский период и влияние данных трансформаций на политическую турбулентность. Особое внимание уделяется причинам обострения этнополитической ситуации, ксенофобии в регионах, которые могут дать кумулятивный эффект на основе растущей ксенофобии. Отмечаются последствия влияния информационных технологий на межэтнические отношения и политическую турбулентность на Северном Кавказе.

Ключевые слова: институциональная трансформация, турбулентность, республики Северного Кавказа, этнические группы, конфликты, этноэтатизм.

Любые социальные трансформации и институциональная турбулентность вызывают целый комплекс социально-политических последствий. Свидетельством этого являются события на Ближнем Востоке и Северной Африке, динамика социально-политического процесса последних месяцев на Украине, которые не могут не затрагивать интересы России. Представляется возможным выделить три основных сценария развития событий, которые связаны с социальными последствиями развития институциональной турбулентности на Северном Кавказе. Цель статьи – оценить возможные последствия, включая турбулентность институциональной трансформации на полиэтничном Северном Кавказе.

Близким к нынешним социальными реалиям является сценарий, который связан с сохранением в длительной перспективе сильной вертикали власти в РФ, которая обладает эффективным федеральным правительством и признанием в национальных республиках доминирующего положения центра, региональные институциональные структуры, подчиняющиеся федеральному уровню. Ряд неформальных соглашений и социально-политических практик придают особую специфику политике Российской Федерации на Северном Кавказе. Данные соглашения по факту ограничивают федеральное вмешательство в деятельность местных этнополитических режимов, включая местное законодательство. В настоящее время осуществляется реализация варианта, который мы условным образом можем назвать «коалиция региональных элит, диаспор и землячеств». Деятельность данных землячеств и диаспор внутри институтов российской власти соответствует формальным признакам и процедурным требованиям, но существенно изменяют неформальные механизмы функционирования властных органов и на этой основе содержательную сторону работы институтов, что приводит к развитию ситуации институциональной турбулентности.

Сегодня национальные республики Северного Кавказа и их лобби в федеральном центре ведут борьбу за приоритет в перераспределении дотаций, а также резервирование мест в федеральных управленческих структурах под полным контролем органов федеральной власти, территориально находящихся в национальных республиках. Любая угроза, связанная с усилением регионального сепаратизма на Северном Кавказе, может зависеть от попыток федерального центра на институциональном уровне укреплять свою власть, а также с недополучением субъектов РФ денег из федерального бюджета или попытками проверить их целевое использование. В связи с этим существует своего рода «социальный контракт» между федеральной и региональными элитами, который негласно гарантирует невмешательство центра в местные социальные и политические отношения и приоритетное финансирование регионов при ограничении государственного федерального контроля. В рамках текущей политики национальные республики, особенно на Кавказе в значительной степени самостоятельны. Этим стремится пользоваться латентный сепаратизм на Северном Кавказе, что приводит к двойственной ориентации элит, стремящихся сохранять свою лояльность и к федеральному центру, и к сепаратистам.

В рамках реализации такого сценария в национальных регионах Северного Кавказа создаются условия для выдавливания малых этнических групп и русскоязычного населения, и они могут окончательным образом изменить свой этнодемографический облик и превратиться в моноэтничные общности.

Катастрофическим (а худший вариант всегда необходимо учитывать) может быть сценарий, который связан с быстрой активизацией центробежных процессов и переходом институциональной турбулентности из подавленного состояния в актуальные социальные практики. Осуществление данного сценария необходимо связывать с возможным стремительным по времени снижением авторитета правительства Федерации в условиях кризиса, геополитического давления и т.п. и запуском процесса региональной фрагментации. В результате сами региональные элиты захотят перешагнуть психологический барьер и перейти от этноэтатистских мечтаний к конкретным действиям. В данных условиях внешние силы станут активно вмешиваться в ситуацию для сохранения контроля над происходящими процессами и, следовательно, создавать возможности для их преобразования в необходимое для себя русло, в том числе для контроля над энергоресурсами и территорией, которая имеет важное геостратегическое значение. При реализации негативных сценариев разные подрывные силы так или иначе будут использовать очень широкий инструментарий методов и средств для полного расшатывания российской государственности [1, с. 34]. В рамках данного сценарного подхода можно их проанализировать.

Если события начнут развиваться по самому неблагоприятному варианту, то прежде всего взорвется не великоросское этническое ядро, а национальные регионы, где существует огромная доля разных этнических меньшинств и есть пришлое население, наиболее мелкие, но достаточно сплоченные и, как показывает исторический опыт, агрессивные религиозные и этнократические анклавы, произойдет этническое противостояние как национальных этноэтатистских режимов, так и борьба внутри них самих [2, с. 305]. Логика событий подразумевает и это доказывается ходом политического процесса в постсоветской Украине, что этнополитические элиты прибегают к активному разжиганию в самых разнообразных аспектах русофобских комплексов и доведение их до самых жестоких форм реализации.

Рассматриваемый сценарий, в большой степени полно и системно разработанный этноэтатистскими и исламистскими подрывными политическими элементами, был апробирован в проекте «Ичкерия». В данном проекте исламский радикализм или его имитация противопоставлялся русскому национализму («русизму»), как якобы единственная возможность другим народам защитить, истинную веру от посягательств неверных.

В рамках этого сценария вполне возможно создание и практическое использование смешанного (религиозно-регионального или этнорелигиозного) типа деструктивных социальных сетевых организаций [3], которые могут извне разрушать властные и общественные институты, являющиеся скрепами современного российского общества, при сохранении достаточно сильного внутреннего институционального единства.

Можно отметить, что такая смешанная мотивация политического действия, имеющего тенденцию к реализации посредством экстремистских методов, встречается гораздо чаще, чем, например, чистые (только религиозные или только этнокультурные) социальные и политические мотивации. При наличии политической воли у представителей центральной и региональной власти такие угрозы могут парироваться достаточно эффективно, властные и общественные институты не входят в состояние турбулентности и продолжают исполнять свои функции. Наиболее активное создание таких «антиинституциональных» сетей с иным, гибридным, типом стало заметно в последние годы практически во всем мире [4]. На практике их применение наиболее наглядно проявилось в ходе арабских революций 2011-2012 гг. Перед их практическим использованием были детально отработаны и отточены новейшие революционные и подрывные социальные технологии, которые строятся на системном синтезе различных протестных потенциалов. Они отличаются чрезвычайной пестротой

и глубокой внутренней несовместимостью, проявляющейся в серьезных конфликтах уже в рамках нового режима и способных его серьезно дестабилизировать.

При развитии такого сценария часто происходит цепная реакция различных провокаций, создающая социальный и политический эффект нагнетания ситуации институциональной турбулентности (основным приемом здесь выступает соответствующее идеологическое сопровождение акций прямого террора). Мы можем это подтвердить, если обратимся к конкретным примерам крупных протестных событий, произошедших в Кондопоге, Ставропольском крае, в Москве и Ростове-на-Дону. Если в ответ на действия со стороны экстремистов в одних регионах пройдут на коротком временном отрезке ответные акции экстремистов в других городах России, то произойдет масштабный кумулятивный эффект, имеющий взрывной характер, в рамках которого разные варианты ксенофобии и этноэтатизма будут друг друга взаимно усиливать [5].

Для того чтобы увеличить негативный эффект, в современных средствах массовой информации будут применять специальные информационные, а также пропагандистские технологии манипулирования массовым сознанием. Огромное число частных и государственных региональных средств массовой информации, социальные сети смогут стать акторами, которые способствуют созданию ситуации институциональной турбулентности, а также могут выразить интересы и выступить исполнителями стратегии националистических и религиозных подрывных сил, работающих на местные этноэтатистские элиты и их внешних союзников, разрушающих институциональное единство и слаженность работы властных структур.

При наличии определённой государственной воли со стороны политического руководства России может быть реализован сценарий, который связан с проведением наиболее сильной национальной политики, ориентированной на преодоление заметных проявлений этноэтатистских тенденций в республиках Северного Кавказа и в целом в России [6]. Такую политику нужно, по нашему мнению, проводить с опорой на государствообразующее этнокультурное большинство и межэтническое согласие народов. При реализации такого варианта Российское государство может получить шанс для воплощения в реальность инновационной стратегии, а в результате этого может и в значительной степени измениться социально-политическое и геополитическое положение современной Российской Федерации [7, с. 16]. Изменение возможно при важных векторах социального, производственно-технологического и культурного инновационного прорыва, а не спонтанно складывающегося узколокального «рынка» людей и социально политических капиталов. В основе данных капиталов лежит признание некоторыми местными элитами российского суверенитета, основывающееся на коррупционных связях [8]. В рамках исполнения данного сценария, который мы можем назвать оптимистическим, различные социально и политически обусловленные угрозы национальной безопасности России и ее десуверенизации будут вовремя и системно нейтрализовываться. В условиях этнонациональной стабильности и поддержки народа, естественно не в ущерб интересам национальных меньшинств, можно преодолеть существующие демографические проблемы. Подобная политика будет реализовываться только на институциональном уровне последовательно и системно. Несмотря на возможные локальные вспышки недовольства, это позволит со временем стабилизировать миграционные потоки, приведя их в соответствие задачам модернизации и инфраструктуры новой национальной социальной системы экономики и системы национальной безопасности.

При учете потенциальной возможности развития неблагоприятных сценариев, которые связаны с резким увеличением институциональной нестабильности и переходом социально-политических отношений на стадию открытого социального и политического конфликта, нужно определить главные меры возможного реагирования [9, с. 20]. При формировании государственной политики, необходимой для противостояния разрушительным последствиям институциональной турбулентности, важно обращать внимание на возможные отрицательные сценарии развития ситуации. Всегда нужно учитывать, что противостоять негативным и разрушающим российскую государственность идеям можно при помощи идей,

которые основываются на государственной силе, а сама власть должна быть готова продемонстрировать готовность использовать эту силу. В борьбе с разрушительными последствиями институциональной турбулентности потенциально можно опираться на нормы правосознания, основы которых заложены в Конституции и федеральном законодательстве. А также на вертикаль органов исполнительной власти и институты гражданского общества, роль которых в данном контексте состоит, по мнению экспертов, в оптимизации этнокультурных интересов, в смягчении межэтнических и межрелигиозных противоречий, в нейтрализации конфликтогенных факторов этнополитических процессов [10, с. 265–266]. На практике именно в этих аспектах заметны самые существенные проблемы, поскольку трудности есть как в выработке идеологии необходимой для институциональной стабильности ценностного и правового пространства, так и в характере существующих на Северном Кавказе практик деятельности различных этносоциальных общественных и властных институтов [11].

Разрушительные явления институциональной турбулентности должны своевременно выявляться и подавляться государственной силой, даже если подобные действия могут привести к недовольству и временной активизации террористических и экстремистских элементов. Нельзя забывать и о том, что при реализации данной политики власть и общество должны опираться на единство политической стратегии и институционального взаимодействия. У представителей властных структур необходимо вырабатывать четкое понимание опасности институциональной нестабильности и угрозы распада.

Литература

1. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Институт энологии и антропологии РАН, 1997.

2. Васьков М.А. Институционально-теоретические основания региональной системы управления. // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 11.

3. Барков Ф.А., Ляушева С.А., Черноус В.В. Религиозный фактор в межкультурной коммуникации на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение. ЦСРИ и П ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 56. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.

4. Исторические предпосылки современных процессов и тенденций на Северном Кавказе // Серия: Проблемы национальной безопасности / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2005. № 11 (263) // http://www. budgetrf.ru/ Publications/ Magazines /VestnikSF/2005/vestniksf263-11/vestniksf263-11020.htm (Дата обращение 30.01.2014).

5. Шевченко О.М. Сущность и виды ксенофобии: история и современность. Ростов н/Д.: Антей, 2013.

6. Северный Кавказ: Социально-экономический справочник // http://www.kavkaz-uzel.ru/reginfotext/reginfo/id/414882.html. (Дата обращения 15.02.2014).

7. Васьков М.А. Взаимодействие традиций и инноваций в процессе социальной дифференциации и их влияние на формирование идентичности в российском городе // Сборник научных трудов Sworld. 2013. Т. 26. № 3.

8. Усягин А.В. Роль Федеративного договора в преобразовании территориального управления // Территориальное управление в России: теория, история, современность, проблемы и перспективы. Раздел VI. Состояние и проблемы современного территориального управления России / http: //www.terrus.ru/mono/r6/6.1.3.shtml#_ftn4. (Дата обращения 12.02.2014).

9. Тхагапсоев Х.Г. Кавказская идентичность в процессах российской социокультурной трансформации: к методологии анализа и механизмам регулирования // Этноэтатизм и этнократии на Юге России / Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 37 / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.

10. Кашаф Ш.Р. О взаимодействии государства и общества в условиях политической трансформации России: экспертный взгляд // Социология власти. 2012. № 3. С. 265–271.

11. Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В. Реинтеграция постсоветской России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 9–17.